

РОСТОВО-ЯРОСЛАВСКИЙ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

С О О Б Щ Е Н И Я
РОСТОВСКОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК VI

Ростов, 1994 г.

ББК 78.381

С 63

Сообщения Ростовского музея: Выпуск 6. —
Ярославль: Фонд гражданских инициатив «Со-
действие», 1994. — 256 стр.

С $\frac{4400070000-003}{M798 (03)-94}$ без объявл.

© Ростово-Ярославский архитектурно-художественный
музей-заповедник, 1994.

ISBN 5-85975-029-3

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОСТОВСКОМ УЕЗДЕ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

М. Ф. Прохоров

Середина XVIII в. ознаменовалась резким обострением массового народного движения в России, которое вылилось в Крестьянскую войну 1773—1775 гг. В этой борьбе принимало участие и крепостное население Ростовского уезда.

В исторической литературе крестьянское движение в Ростовской земле специально не изучалось, хотя отдельные сведения приводились историками¹. В этой связи немаловажное значение приобретает вопрос о формах, характере, направленности и конкретном содержании социального протеста ростовского крестьянства накануне и в период восстания Е. И. Пугачева.

В основу статьи были положены впервые вводимые в научный оборот источники, извлеченные из фондов центральных и местных учреждений, а также вотчинных архивов и содержащиеся в РГАДА, РГИА и ОПИ ГИМ. По своему составу и содержанию документы разнообразны: челобитные помещиков, переписка местной и вотчинной администраций, журналы, протоколы и определения присутственных мест, допросы арестованных, ведомости о «колодниках», указы о наказании и др.

Движение помещичьих крестьян Ростовского уезда в рассматриваемое время проявлялось в разнообразных способах своего выражения: побеги, участие в вооруженных отрядах беглых, убийства помещиков, подача челобитных, волнения и пр. Обычно причинами подобных выступлений являлись обременительные повинности, притеснения в хозяйственной деятельности, применение жестоких наказаний. Судя по сохранившимся документам вотчинных архивов, размеры оброков и нормы барщинных работ для значительной части ростовских крестьян были непосильными. Так, денежный оброк на одну душу в селе Семибратово (владение Куракиных) составлял 5 руб., а в селе Сумей — 3 руб. В ряде имений резко возросли суммы денежных оброков. Например, по селу Вошажниково этот рост составил 39%. Кроме того, Шереметьевы требовали отработки на господских полях по четыре дня в неделю. А в селе Ильинском (Голицыны) только за 1772 г. оброчные повинности поднялись на 17%. В Ростов-

ском уезде росли и нормы барской запашки. Например, в 1770 г. в селе Воскресенском (Голицыны) господская пашня увеличилась в 1,7 раза (составила 150 дес. вместо 90 дес.)².

Особенно тягостной для крестьян была смешанная система повинностей, представляющая собой сочетание барщины, оброка натурой и деньгами. Так, крестьяне села Воскресенского помещиков Голицыных в 1750-е годы обрабатывали 30 дес. барской запашки, платили 325 руб., поставляли «столового запаса»: 100 пудов свиного мяса, 20 пуд. коровьего масла, 200 баранов, по 50 гусей и кур и т. п.³.

Результатом такого положения являлось обнищание значительной части ростовских крестьян, их бедствие и нищета. На это указывают многочисленные крестьянские челобитные. По мнению жителей сел Сулости и Никольское (Голицыны) «при вотчине... много крестьян скудных и бедных, с которых и взять нечего». А по утверждению другой челобитной по селу Сумей «семей состоит немалое число... худого состояния». В свою очередь челобитчики села Ильинского утверждали, что «у многих крестьян не точно, что продать на подать, но и кормиться нечем»⁴. Все это создавало напряженную обстановку в крепостной деревне, которая выливалась в разнообразных формах социального протеста.

Массовое явление приобретает в это время бегство крестьян. По далеко неполным данным только явочных челобитных помещиков число бежавших в уезде ежегодно колебалось от 10 до 25 человек и более⁵. Побег осуществлялись даже из вотчин, где существовал жесткий вотчинный контроль за повседневной жизнью крестьян. Например, из села Вошажниково в 1764—1765 гг. бежали четыре крестьянина, а в 1774 г. — 2⁶.

Как видно из следственного материала, мотивы, побуждающие крестьян к побегам, были вызваны тяжелым материальным положением, произволом помещиков, боязнью рекрутских наборов, ограничением промысловой деятельности и т. д. В частности, среди бежавших в 1773 г. трое спасались от набора в рекруты. В свою очередь, крестьяне Г. Готовкин и Ф. Иванов обвинялись в неоднократных «самовольных отлучках» из вотчин «ради торгового дела»⁷.

Основные потоки беглых ростовских крестьян устремлялись в близлежащие уезды (Ярославский, Переяславль-Залесский, Суздальский и Костромской) и Москву. Часть из них уходила в более отдаленные места — Прибалтику, на Дон, Приуралье и т. д.

Чем занимались беглые ростовские крестьяне? Степень применения их труда была очень разнообразна; они работали на мануфактурах, в хозяйстве помещиков, крестьян, городских жителей. Приведем отдельные примеры. Так, беглый крестьянин В. Еремеев работал на казенном медеплавильном заводе в Кунгурском уезде, а И. Иванов на Астраханском винокуренном заводе купцов Демидовых. Беглая М. Герасимова в течение 19 лет проработала на суконной мануфактуре московского купца Д. Черикова⁸.

Сельские и городские жители в основном использовали труд беглых в качестве домашних работников или для полевых работ. Условия найма, учитывая нелегальное положение беглых, были тяжелыми (работали «без оплаты, ради одного хлеба»)⁹.

Часть «беспашпортных» крестьян не находила какого-либо заработка и «кормилась мирским подаянием»¹⁰.

Крестьяне Ростовского уезда принимали участие и в такой форме протеста, как действия вооруженных отрядов беглых. Подобные отряды нередко появлялись в уезде и совершали нападения на дворянские усадьбы, опустошая их и физически расправляясь с помещиками. Так, были разгромлены имения И. Ушакова в селе Тохнино, А. Куровой в селе Илькино, И. Чагина и др.¹¹. При нападении на дом И. Чагина в сельце Берзовском среди участников оказались его собственные крестьяне. А один из них К. Афанасьев даже пытался «лишить жизни» помещика.

В ряде случаев при разгроме поместий крепостные уничтожали документы вотчинных архивов, определявшие их зависимость. В 1759 г., разбив дом А. Куровой, нападавшие «покрали... всякие крепости и платежные описи и отпускные». Именно таким образом крестьяне пытались освободиться от крепостной зависимости и получить желаемую свободу.

В повседневной жизни ростовского крестьянства имели место и такие способы борьбы, как порубки и потравы, затягивание сроков уплаты оброков, «нерадение» на барщине и т. п.

Довольно массовое явление в середине XVIII в. носило уничтожение крестьянами помещичьих лесов. Только за 1753—1754 г.г. в Порецкой вотчине Голицыных было вырублено 1655 деревьев. В условиях частой порубки лесных массивов владельцы вводят суровые санкции по отношению к виновным. В частности, в инструкции П. Б. Шереметьева по селу Вошажниково вводилась система штрафования крестьян

по принципу «с богатого больше, а с убогого меньше». В своем селе Семибратском Куракины установили пятирублевый штраф. А в Воскресенской вотчине Голицыных за потраву господских лугов нещадно наказывали розгами¹².

Весьма частым был отказ со стороны отдельных крестьян исполнять господские повинности и платить оброк. Недоимочность являлась своеобразной формой сопротивления крестьян росту эксплуатации. Для многих ростовских вотчин она носила хронический характер, причем основная ее доля приходилась на скудных крестьян. Так, в селе Семибратском в 1773—1774 гг. при сумме оброка в 1732 руб. оброчная недоимка колебалась от 111 до 153 руб. В Воскресенской вотчине Голицыных в 1772 г. недоимка составляла 30% всех сборов. Оброчные долги числились и за другими ростовскими вотчинами Голицыных (село Порецкое, сельцо Семенцово)¹³.

Подобные действия со стороны крестьян наносили значительный материальный ущерб помещичьему хозяйству. Выход из сложившейся ситуации владельцы видели прежде всего в усилении репрессивных мер по устранению недоимки, но и они не достигали желаемого результата.

В отдельных случаях крестьяне Ростовского уезда пытались и физически расправиться со своими помещиками. Судя по следственному материалу, основные причины применения крестьянами этой довольно жестокой формы борьбы являлись невыносимые условия жизни, безграничный произвол и издевательства со стороны владельцев. Именно на этой почве были убиты П. Телищева, Т. Петров и В. Зорин¹⁴. Как правило, убийства совершали небольшие группы крестьян или одиночки. Так, по делу об убийстве прапорщика Д. Болдырева в 1768 г. было арестовано 12 крестьян и дворовых людей. Все они оказались виновными и подвергнуты наказанию кнутом, а пять из них подлежали отправке на каторжные работы¹⁵.

Физической расправе подвергались и отдельные представители вотчинной администрации — приказчики, старосты, управители. Например, в 1752 г. «по согласию с крестьянами» житель дер. Яковлево Н. Алексеев убил приказчика К. Волкова. В ходе следствия выяснилось, что причиной к этому послужило «битье их тем приказчиком за недопахание пахоты». На почве личной мести в 1765 г. лишился жизни староста В. Дмитриев из села Ильинское (владение Ю. В. Урусова). Оказалось, что он хотел отдать в рекруты крестьян А. Балашева и Ф. Михайлова¹⁶.

Особой формой протеста помещичьих крестьян Ростовского уезда являлась подача челобитных. Обычно челобитные составлялись жителями всей общины. Сельский сход выбирал ходоков, собирал «с мира» деньги на их содержание, искал грамотных людей для написания прошения. По Ростовскому уезду удалось обнаружить сведения о подаче двух челобитных крестьянами сел Воскресенского и Неверовки на своих владельцев Ф. В. Ушакова и П. Зорина¹⁷. Основное содержание этих челобитных в Сенат сводилось к доказательству произвола и беззакония помещиков. Особенно развернутую аргументацию привели жители села Неверовки, обвиняя П. Зорина «в отягощении работами не токмо в простые дни, но и в воскресные». Отметим и мужество крестьян Ф. В. Ушакова, подавшие свою челобитную в 1771 г., т. е. после выхода 22 августа 1767 г. знаменитого указа, запрещающего холопам подавать прошения.

Особенно массовый характер приобретает поток челобитных крестьян в главные домовые конторы помещиков. Основное содержание подобных коллективных и индивидуальных прошений было связано с притеснениями и злоупотреблениями вотчинной администрации на местах, а также тяжелым материальным положением отдельных слоев сельского мира¹⁸.

Наиболее ярким проявлением классового протеста помещичьих крестьян Ростовского уезда являлись волнения, т. е. коллективное прекращение исполнения владельческих повинностей и распоряжений помещика. Вот типичные примеры таких выступлений.

В декабре 1763 г. отказались платить оброк крестьяне села Воскресенского прапорщика Ф. В. Ушакова. В ходе следствия выяснилось, что из-за тяжелого материального положения они неоднократно просили владельца отсрочить платеж, но тот категорически отказывался¹⁹.

Аналогичные мотивы послужили поводом к началу выступления в 1766 г. жителей сельца Рамайцово отставного поручика И. Е. Филошина. На допросе один из них, И. Леонтьев, заметил, что помещик «употребляет их... в тяжелые работы». Следствием было вынесено решение, по которому И. Е. Филошин обязывался особой подпиской: «Никаких разорений и изнеможений не чинить»²⁰.

Подобные выступления произошли в имениях М. С. Елчаниновой (село Селище, 1762 г.) и поручика Н. В. Вяземского (дер. Ивановская, 1764 г.)²¹.

Протест крестьян вызывал и беспричинное их переселение на новые местожительства. Так, жители сельца Романцова в 1774 г. отказались подчиняться распоряжению своего помещика О. А. Крюкова о перевозе в другое селение²².

Крестьяне живо реагировали на любые правовые изменения в состоянии тех вотчин, в которых они проживали, пытаясь тем самым «отбыть» от помещика. Нередким поводом к таким выступлениям были переход во владение к новому помещику в связи со смертью прежнего владельца, передачей по наследству, продажей и т. д. Часто смена владельца означала и рост повинностей и ухудшение хозяйственного положения крестьян.

Именно на этой почве в 1753 г. началась борьба крестьян дер. Горки, выступившие против их передачи новому владельцу майору А. Уварову. Жители решительно отказались признать совершенную купчую и не дали подписки о послушании. Одновременно они заявили копиисту Ростовской канцелярии Ф. Внукову о том, что «он... приехал с подложным указом и имеется де у них помещица Ф. Ф. Ушакова, а Уваров им не помещик». Крестьян поддержали жители соседнего помещика А. А. Кушникова, которые присутствовали в качестве понятых при отказе имения. Например, они не стали подписывать отказную книгу, потребовали от попа И. Дементьева, чтобы «руку вместо сторонних людей и приказчиков не прикладывал». В имение были направлены солдаты для ареста зачинщиков беспорядков²³.

В мае 1762 г. «чинили отбывательство» от помещика В. И. Зорина крестьяне села Неверовки. В результате следствия 14 человек были биты кнутом и плетью. Но на этом борьба не окончилась: в 1766 г. помещик был убит²⁴.

Упорный характер носило выступление крестьян в селе Воскресенском против нового помещика Ф. В. Ушакова. Жители села не только отказались нести повинности, но и самовольно стали покидать вотчину. По этому поводу в ходе следствия арестованные показали, что «от нестности им от одного помещика Федула Ушакова озлоблений и нападков, чего де они и снести не могут, разбежались». Посильную помощь крестьянам оказали жители соседнего помещика С. В. Ушакова. Они сочувствовали жителям, неоднократно требовали от помещика прекратить издевательства. Не случайно, один из них заявил, обращаясь к Ф. Ушакову: «Полно де тебе мужиков разорять». Посланный в 1771 г. отряд солдат

арестовал часть крестьян, но вскоре они были освобождены по поручительству золовки помещика А. И. Ушаковой²⁵.

Крестьяне Ростовского уезда использовали и другие предлоги для неповиновения, включая судебные споры наследников имений, своеобразное «подстрекательство» помещиков, претендующих на владение и т.д.

В 1773 г. под давлением воеводского товарища Д. М. Карпачева отказались нести повинности помещице Е. С. Плоховой крепостные сельца Бутеково. Похожие события произошли в сельце Перово поручика А. Т. Сокольниковца и в дер. Холщевки помещицы Тянкиной²⁶.

В Ростовском уезде обостренный характер носила борьба крестьян за свободу торгово-промышленной деятельности, за сохранение традиционных общинных порядков. Так, крестьяне села Воскресенского в 1773 г. выступили против решения И. Г. Демидова о замене вотчинной администрации без согласия сельского мира. Крестьяне отказались исполнять указ владельца, потребовали оставить прежнего управителя Г. С. Радилова, а нового снять с должности²⁷.

Иначе поступили крестьяне Вошажниковской вотчины Шереметевых. В марте 1754 г. сельский мир решил сменить земского И. Клементьева за его «нерадение» и выбрать на эту должность Ф. Кузьмина. Помещик потребовал отменить приговор схода и наказать «своевольных» крестьян. Но община проигнорировала данное решение владельца²⁸.

В 1765 г. жители села Сулости выступили против распоряжения домовой конторы Голицыных по изменению порядка управления вотчиной. Они отказались иметь единый мирской суд и общий аппарат управления с Никольской вотчиной, видя в этом ограничение прав своей общины²⁹.

Отметим еще одну черту в крестьянском движении Ростовского уезда в середине XVIII в.: обострение внутриобщинной борьбы между различными имущественными слоями населения. Например, в 1773 г. «чинила огурства и ослушание» часть жителей села Никольского помещика А. М. Голицына, возмущенная действиями зажиточных крестьян и вотчинной администрацией. Выяснилось, что состоятельная верхушка жителей заключила выгодный контракт с Ростовской воеводской канцелярией по «содержанию и починке» мостов. Однако на строительные работы они стали нанимать рабочую силу со стороны, тем самым лишив заработка односельчан. В этой связи крестьяне потребовали от помещика смены «нерадетельного» старосты и решительного воздействия на под-

рядчиков с целью отмены подобной практики найма рабочих³⁰.

Итак, анализ документов свидетельствует о том, что крестьянское движение в Ростовском уезде в середине XVIII в. приобрело широкий размах и отличалось многообразием форм своего выражения.

¹ Муратов Х. И. Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. М., 1954. С. 8—9; Грибовский В. М. Материалы для истории высшего суда и надзора в первой половине царствования имп. Екатерины II. СПб., 1901. С. 234—235.

² РГИА. Ф. 1088. Оп. 7. № 448. Л. 4; № 456. Л. 5; ОПИ ГИМ. Ф. 3. Нов. оп. № 35. Л. 104; Ф. 14. Оп. 1. № 1763. Л. 108; № 1764. Л. 18; № 3086. Л. 3; № 3231. Л. 9.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. № 1754. Л. 19.

⁴ Там же. № 3086. Л. 4, 17; № 3231. Л. 10.

⁵ РГАДА. Ф. 563. Оп. 1. № 133, 146, 151, 188.

⁶ Там же. Ф. 563. Оп. 1. № 158. Л. 61; Ф. 1287. Оп. 3. № 324. Л. 2.

⁷ Там же. Ф. 563. Оп. 1. № 158. Л. 51; № 188. Л. 233.

⁸ Там же. Ф. 239. Оп. 1. № 23317; Ф. 563. Оп. 1. № 100. Л. 39; № 112. Л. 42 об.

⁹ Там же. Ф. 239. Оп. 1. № 21602; Ф. 563. Оп. 1. № 112. Л. 72, 82.

¹⁰ Там же. Ф. 239. Оп. 1. № 23721; Ф. 563. Оп. 1. № 105. Л. 87; № 82. Л. 20.

¹¹ Там же. Ф. 526. Оп. 1. № 414. Л. 470; Ф. 563. Оп. 1. № 133. Л. 26; № 158. Л. 53, 56.

¹² РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. № 184. Л. 101—103; РГИА. Ф. 1088. Оп. 7. № 448. Л. 16; ОПИ ГИМ. Ф. Нов. оп. № 35; Ф. 14. Оп. 1. № 1764. Л. 59 об.

¹³ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. № 184. Л. 101—103; ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. № 3209. Л. 15—16.

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 114. № 439. Л. 10; Ф. 400. Оп. 4. № 2111. Л. 11 об.; Ф. 563. Оп. 1. № 309.

¹⁵ Там же. Ф. 400. Оп. 1. № 153. Л. 140.

¹⁶ Там же. Ф. 563. Оп. 1. № 135. Л. 187; № 161. Л. 15 об.

¹⁷ Там же. Ф. 248. № 3432. Л. 546—547; Ф. 563. Оп. 1. № 1160.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 6073. Л. 1; ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 2. № 262. Л. 73.

¹⁹ РГАДА. Ф. 437. Оп. 1. № 992. Л. 764.

²⁰ Там же. Ф. 563. Оп. 1. № 1108. Л. 8.

- ²¹ Там же. Ф. 563. Оп. 1. № 147. Л. 233; Оп. 2. № 352. Л. 1.
- ²² Там же. Ф. 455. Оп. 1. 994.
- ²³ Там же. Ф. 563. Оп. 1. № 105. Л. 57—58.
- ²⁴ Там же. № 148. Л. 24.
- ²⁵ Там же. № 182. Л. 47—49; № 1160.
- ²⁶ Там же. № 187, 188, 1076.
- ²⁷ Там же. № 188. Л. 227.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1088. Оп. 7. № 456. Л. 76.
- ²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. № 3082. Л. 1 об.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. № 189. Л. 24.